ПАВЕЛ КАТЫШЕВ

katpa@rambler.ru

СТАНИСЛАВ ОЛЕНЕВ

deerson@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СИНТАКТИКИ ЯЗЫКА НА ЯЗЫКОВУЮ ЛИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА РИТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Риторическая критика как составная часть современной риторики представляет собой методологическое течение, ориентированное на теоретическую разработку и систематизацию исследовательских процедур, направленных на анализ и оценку воздействующего потенциала и эффективности письменных и устных дискурсов (Медведева, 1987: 99; Катышев, $2006_А$: 37; Смолененкова, 2006). Внимание этой отрасли риторики преимущественно направлено на так называемые риторические тексты, то есть произведения «риторической прозы, созданной для специальной аудитории со специальной целью, литературы пропаганды» (Медведева, 1987: 99). Поскольку с известными оговорками риторическим можно считать любое произведение, нацеленное на изменение (формирование, расширение и т. п.) сознания / модификацию поведения адресата, в последнее время «риторическая критика становится *наукой об отношении средств к замыслу*, а ее задачей – определить, насколько эффективны были отобранные автором средства в данной ситуации для достижения его замысла» (Смолененкова, 2005: 7). Однако, несмотря на очевидную интегративность, междисциплинарность неориторики, важным представляется и такой подход к риторической проблематике, при котором риторика рассматривается как преимущественно лингвистическая дисциплина, то есть наука о «разнообразных формах *преимущественно языкового* (курсив наш. – *П.К., С.О.*) воздействия на аудиторию, оказываемого с учетом особенностей последней и в целях получения желаемого эффекта» (Авеличев, 1986: 10). Поэтому и риторическая критика как коммуникативно ориентированное описание речемыслительной деятельности, касающееся экспликации способов и средств воплощения замысла, концентрируется «на взаимосвязи и взаимовлиянии экстралингвистических и лингвистических компонентов произведения слова и реализации целеполагания в речи» (Смолененкова, 2006).

На наш взгляд, важным аспектом (критерием) риторико-критической оценки конкретного речевого произведения может выступать собственно синтактический аспект, предполагающий оценку степени соответствия анализируемого текста внутренней форме (в ее конкретных проявлениях), духу родного языка его автора. Поэтому теоретически и практически важным представляется решение вопроса о том, в какой степени и каким образом на

риторизованную (см. прим. 1) речемыслительную деятельность оказывает влияние системное своеобразие того или иного языка (например, его синтактические особенности, проявляющиеся в типичных способах сочетания и расположения языковых элементов – морфем, слов и т. д.). Отсюда, говоря о «влиянии языка на языковую личность», мы прежде всего имеем в виду языковую личность, порождающую риторический текст и испытывающую на себе влияние языка именно в процессе этого порождения.

Поставленная проблема отнюдь не нова для европейской философско-лингвистической традиции. Так, одним из первых проблему влияния языка на человека еще в 1746 г. поставил Э.Б. де Кондильяк, настаивавший на «абсолютной необходимости знаков» (Кондильяк, 1980: 293) для сложных «действий души», в частности для анализа и размышления, и объяснявший это тем, что «знаки, которым мы обязаны совершением самих этих действий, суть инструменты, которыми они пользуются, а связь идей – первая пружина, приводящая в движение все другие» (Там же: 300). Средством установления связи идей (образов, представлений и понятий), в свою очередь, выступают действующие в языке правила аналогии. Активное, а не сугубо инструментальное участие слова и языка в человеческой когнитивно-коммуникативной деятельности также подчеркивали В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня, писавшие о том, что язык – это «орган, образующий мысль» и способствующий «внутреннему завершению мысли и внешнему пониманию» (Гумбольдт, 2001: 75, 109), «средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее», «не отражение уже сложившегося миросозерцания, а слагающая его деятельность» (Потебня, 1989: 156). На это же указывали Э. Сепир и Б.Л. Уорф, американские этнолингвисты, длительное время занимавшиеся изучением «примитивных» языков американских индейцев и своеобразно развившие некоторые идеи В. фон Гумбольдта (см. прим. 2). Й.Л. Вайсгербер, лидер неогумбольдтианского направления в европейской лингвистике, в конце 20-х гг. XX в. главной задачей современного и будущего языкознания назвал изучение того, как происходит «вторжение родного языка в мышление и деяния его носителей» (Вайсгербер, 1993: 161). По его словам, лингвисты должны «исследовать мышление и поведение конкретных людей и языковых сообществ на предмет того, насколько они обусловлены и определяются своеобразием родного языка» (цит. по (Радченко, 1997: 187); при этом поначалу следует «привлекать небольшие конкретные проблемы, которые позволят нам непосредственно доказать, что одно определенное обстоятельство прямо воздействует или воздействовало на определенные способы восприятия, мыслительные результаты, поступки говорящих» (Там же: 188).

Данная статья вписывается в неогумбольдтианскую традицию и продолжает теоретическую линию доказательства формирующих возможностей языка. Однако важно отметить, что развиваемая нами версия «лингвистического детерминизма» значительно отличается от широко известной гипотезы Сепира – Уорфа в ее наиболее радикальной формулировке, согласно которой «мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор

при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» (Сепир, 1993: 261). Наш подход также лишь отчасти близок идеям Й.Л. Вайсгербера о родном языке, формирующем (в онтогенезе) понятийную систему (языковую картину мира) отдельного человека и языкового сообщества в целом. Оставляя в стороне вопросы о том, формирует ли язык особое «видение» объективного (существующего независимо от субъекта) мира или же накладывает свой отпечаток на идиоэтническую понятийную систему, мы сосредоточиваемся на характере стимулирующего влияния языка на дискурсивную деятельность языковой личности, создающей риторический текст; на том, к каким собственно языковым механизмам формирования и формулирования замысла обращается создатель текста в процессе своего размышления. Иными словами, говоря о стимулирующем влиянии языка на языковую личность, мы имеем в виду не влияние, наблюдаемое в смене разнокачественных состояний языковой способности индивида, а влияние, в той или иной мере ощутимое в каждом акте использования конкретного языка и предопределяемое его системным своеобразием.

В соответствии с приводимым В.В. Смолененковой каноническим порядком риторико-критической деятельности (см. прим. 3), можно обозначить этапы демонстрации влияния языка на языковую личность, опредмеченного в конкретном «риторическом тексте». Воссоздание историко-культурного контекста и обрисовка ситуации создания риторического произведения (описание) предваряют реконструкцию реализованных ритором речемыслительных стратегий (анализ), которые необходимо охарактеризовать с точки зрения их согласованности с системными свойствами родного языка ритора (истолкование), а также с точки зрения их целесообразности как более или менее удачные способы воплощения замысла (оценка). Следуя этому алгоритму, проанализируем фрагмент литературно-критической статьи Ап. Григорьева «После “Грозы” Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу» (1860), в котором критик наиболее подробно сформулировал свое понимание «народности».

Проблема народности имела в России XIX в. государственный масштаб (см. прим. 4). Само это слово можно назвать одним из ключевых для языка данной эпохи. Это обусловлено социальными изменениями и философско-идеологической полемикой, в которой помимо Ап. Григорьева участвовали В.Г. Белинский, А.С. Пушкин, Ю.Ф. Самарин, П.Е. Астафьев и многие другие. Ап. Григорьев – создатель «органической критики», философско-эстетическая концепция которой основана на идее о естественном (органическом) развитии всего подлинно живого, в том числе литературы и создающих ее народов. Понятие *народности литературы* для органической критики Ап. Григорьева является главной категорией, служащей априорной основой для истолкования и оценки многообразия литературных произведений. Но сложность ситуации в том, что сам этот термин представляется автору неоднозначным и требующим точного определения: «Я знаю очень хорошо, что слово “народность”, хоть оно, слава богу, мной и не придумано, загадочного явления еще не объясняет; во-первых, потому, что оно слишком широко, а во-вторых, и потому, что само еще требует объяснения» (Григорьев, 1990: 93; в дальнейшем ссылки на это

издание даются путем указания номера страницы в круглых скобках). Поэтому *авторская интенция*, реализуемая в анализируемом тексте, заключается в осуществлении теоретического анализа народности, который определил бы понятие «точнее, яснее и проще» (93).

Важной опорой предпринимаемого Ап. Григорьевым теоретического анализа становится собственно языковой образ слова *народность*. Дериват *народность* имеет сложную внутреннюю структуру и является полимотивированным, в традиционном смысле слова, то есть отсылает к двум возможным производящим и имеет две поверхностные словообразовательные структуры (***народ***/*ность* : ***народн***/*ость*) – ср.: *народ*/*ность* = '*нечто, относящееся к народу*' или *народн*/*ость* = '*нечто, относящееся к чему-либо народному*'. *Народность* является полимотивированной единицей и с точки зрения деятельностной теории, постулирующей, что полимотивированность – это свойство знака, активизирующее полимотивацию, то есть «речемыслительную стратегию индивида, конкретизирующую звукобуквенный состав мотивирующей основы (корня) деривата комплексом созвучных (анафоничных) единиц» (Катышев, $2006_{Б}$: 112–113). На это указывает наличие в анализируемом тексте конкретизаторов, раскрывающих смысловой потенциал слова-темы с опорой на разные мотивирующие основы.

Следует отметить, что интенсифицируется не только морфо-реляционный слой языкового образа определяемого элемента. Значительное число сугубо супплетивных конкретизаторов свидетельствует о возможности целостного осознания опорного слова и, соответственно, о продуктивности его лексического образа. Именно первичная ориентация на лексический образ слова *народность* провоцирует обращение автора к представлениям, семантически ассоциированным с определяемым элементом, и, как следствие, к супплетивным средствам раскрытия образа, используемым автором в основном в начальной части анализируемого фрагмента и позволяющим рассмотреть народность в контексте общественной и литературной жизни своего времени и дать ее предварительное определение, создав пресуппозицию для содержательного наполнения понятия. Приведем лишь некоторые, наиболее важные вербализованные представления: ***народность*** конкретизируемое ← {*нечто, стремление к чему зародилось не с Островского, но в его деятельности определилось точнее, яснее и проще : нечто, что само еще требует объяснения : нечто, что отстаивается мыслью : нечто, вопросу о чем конца не предвидится : нечто, к вопросу о чем «Русский вестник» становится все милостивее : нечто, что имеет поборников : нечто, что может быть свойством литературы : нечто, первый род чего есть nationalité* 'национальность' *: нечто, второй род чего есть popularité, littérature populaire* 'народность, народная литература' *: нечто, первый род чего есть понятие безусловное, в самой природе лежащее*} конкретизирующее. Данная система представлений способствует (I) установлению категориального статуса определяемого элемента (***народность*** – сложное понятие), (II) обрисовке общественного мнения относительно исследуемого термина (***народность*** – предмет идеологического спора), а также (III) сужению области приложения исходного термина (***народность*** есть ***народность*** литературы). Показательно, что, осмысляя лексический образ слова-темы, автор использует

отсылку к интернациональным эквивалентам определяемого слова, то есть обращает внимание на его корреспондентные связи, косвенно подтверждающие универсальный характер решаемой проблемы: «***народность*** *литературы как* ***национальность*** *является понятием безусловным*» (96).

Дальнейшее углубление теоретической рефлексии и формулирование собственной позиции автора по вопросу о народности связано с осмыслением словообразовательно маркированного языкового образа, и поэтому интенсифицируется отсылочная часть деривата-темы, а наибольшую функциональность приобретают иконически ориентированные средства осмысления образа, созвучные по основе тематическому элементу. Анализ текста позволяет вычленить систему дериватемно скоординированных представлений, последовательно замещающих в тексте созданный языковой образ и способствующих его конкретизации: ***народ/ность : народн/ость*** конкретизируемое ← {*нечто, что отражает сущность* ***народн****ой жизни : нечто, одним из внешних признаков чего является ношение* ***народн****ой одежды : нечто, одним из внешних признаков чего является ношение старой* ***народн****ой одежды : нечто, что может характеризовать* ***народ*** *как* ***народн****ый: нечто, что есть качество* ***народн****ой литературы*} конкретизирующее. Как средства организации дискурса, формулирующего слово-понятие ***народность***, дериватемно соотносимые представления включены в процесс речевой развертки высказывания, в ходе которой они (А) способствуют уточнению центрального элемента или же (Б) сами подвергаются конкретизации.

(А) Опора на дериватемно ориентированные определители помогает исключить те трактовки слова-темы, которые не соответствуют авторской концепции, и выделить тот аспект народности, который является, по мнению Ап. Григорьева, наиболее важным. Так, автор указывает, что: (а) понятие ***народн****ости* содержательно концентрирует в себе «*сущность* ***народн****ой жизни*» (94); (б) внешним признаком, далеко не исчерпывающим сущность ***народн****ости* как способа мировосприятия, является «*ношение* ***народн****ой одежды*» (94); (в) немецкая ультраромантическая традиция трактует понятие *народность* как «***народн****ость своего* ***народ****а*» (94); (г) наиболее важным является прояснение понятия ***народн****ости* в связи с литературой, то есть определение составного термина «***народн****ая литература*» (94–95).

(Б) Большое внимание автор уделяет дальнейшему содержательному уточнению конкретизаторов *народ* и *народная литература*. Необходимость осмысления понятия *народ* вызвана тем, что «*как под именем* ***народ****а разумеется* ***народ*** *в обширном смысле и* ***народ*** *в тесном смысле, так равномерно и под* ***народ****ностию литературы*» (95). Исходя из этого, производящее слово-понятие ***народ***, оказываясь в позиции уточняемого, последовательно раскрывается посредством набора перифраз: ***народ*** конкретизируемое ← {*нечто, что может быть определено в обширном или в тесном смысле : нечто, что в обширном смысле понимается как целая* ***народ****ная личность, собирательное лицо, слагающееся из черт всех слоев* ***народа*** *: нечто, что в качестве своих передовых слоев имеет верхи самосущного* ***народн****ого развития, которые сама из себя дала жизнь* ***народа*** *: нечто, что в тесном смысле понимается как та часть* ***народа****, находящаяся в неразвитом состоянии*} конкретизирующее. В соответствии с

широкой и узкой трактовками понятия ***народ*** автор противопоставляет две трактовки ***народ****ной литературы*. Понятие ***народ****ной литературы* в «обширном» смысле складывается из следующих дериватемно ориентированных представлений: ***народ****ная литература* конкретизируемое ← {*нечто, что в своем миросозерцании отражает взгляд на жизнь, свойственный всему* ***народ****у : нечто, что в своих типах отражает сложившиеся цельно и полно типы или стороны* ***народн****ой личности : нечто, что в своих формах отражает красоту по* ***народн****ому пониманию : нечто, что в своем языке отражает весь общий язык* ***народ****а*} конкретизирующее. Понятие ***народн****ой литературы* в «тесном» смысле реализуется следующим образом: ***народная*** *литература* конкретизируемое ← {*нечто, что связано с историческим фактом разрозненности в* ***народе*** *: нечто, что предполагает, что* ***народн****ое развитие шло раздвоенным путем: нечто, что является вследствие пресыщения цивилизацией: нечто, что есть выражение насущной потребности сблизить два разрозненных развития в* ***народн****ом организме : нечто, что связано лишь с воспроизведением* ***народн****ого быта*} конкретизирующее.

Определенный уровень сформированности понятий *народ*, *народность* и *народная литература* позволяют автору достичь главного – рассмотреть указанные категории в контексте соотносимых деонтических топосов «должное – недолжное», а также определить понятие *народный писатель*. Так, в качестве полюса должного бытия выступает положение дел, при котором литература *народна* в широком смысле слова, поскольку «***народность*** *литературы как национальность является понятием безусловным, в самой природе лежащим*» (96), и поэтому «*литература всякая, а следственно, и наша, чтобы быть чем-нибудь, чтобы не толочь воду, не толкаться попусту, должна быть* ***народна****, то есть национальна*» (96). Исходя из этого, подлинно народным писателем признается не «*писатель из* ***народного*** *быта, специально посвятивший себя воспроизведению этого быта в литературе*» (97), а такой писатель, по отношению к которому термин ***народность*** и эпитет ***народный*** употребляются «*в смысле слов: национальность, национальный*» (96).

Разработанная Ап. Григорьевым оригинальная концепция народности (см. прим. 5) имеет не только теоретическую ценность, но выступает действенным орудием органической критики, служит основой суждений о народности того или иного писателя и его произведений. Достаточно вспомнить хрестоматийные суждения о творчестве А.С. Пушкина и о его значении для русской литературы: «*А Пушкин – наше все <…> Пушкин – пока единственный полный очерк нашей* ***народн****ой личности и т. д.*». Любой писатель и его произведения, удостоенные внимания критики Ап. Григорьева, всегда поверяются «критерием народности», оцениваются как народные или псевдонародные.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что речемыслительные стратегии создания и коммуникативно ориентированного раскрытия замысла в значительной мере согласованы с объективными собственно языковыми условиями, а именно с флективно-фузионной организацией русского языка:

1. То, что в процессе дискурсивной деятельности Ап. Григорьев устанавливает и закрепляет в тексте мотивационные связи между определяемым элементом и созвучными единицами, характеризующимися по отношению к нему меньшей формальной сложностью, «подсказывается» высокой степенью

грамматичности и флективной организацией русского языка. Дериватема (словообразовательная форма) познаваемого слово-понятия *народность* индуцирует систему иконично ориентированных представлений, уточняющих его языковой образ и создающих понятие, и служит (безусловно, наряду с другими типами языковых образов) основой индивидуальной речемыслительной манеры Ап. Григорьева. Элементы, близкие в формально-смысловом отношении слову *народность* способствуют реализации ключевых в содержательном плане представлений, служащих опорами дискурсообразования, о чем свидетельствует заметная интенсификация элемента *народ*$_{16}$ на фоне других семантически значимых конкретизаторов (*масса*$_2$, *общество*$_3$) (подстрочный индекс соответствует частоте встречаемости элемента в тексте).

2. «Многослойность» языкового знака, типичная для языков с последовательной грамматической категоризацией, в дискурсе Ап. Григорьева проявляется в том, что параллельному осмыслению подвергаются лексический, морфо-реляционный и «иноязычный» языковые образы слова *народность*.

3. Фузионный характер внутрисловной структуры русского слова, в котором тенденция к целостности превалирует над тенденцией к морфемной членимости, проявляется в том, что осмыслению темообразующего элемента и коммуникативному оформлению замысла способствуют не только конкретизаторы, синхронно связанные с дериватом-темой, но и такие анафонические определители, основы которых этимологически коррелятивны ему. Ср.: *«… первого* ***рода*** *на****род****ность есть то <…> второго* ***рода*** *– то, что <…> В первом смысле на****род****ность литературы как национальность является понятием безусловным, в самой при****род****е лежащим»* (95–96). Возможность такого расширения ассоциативного контекста предопределена не только полиморфемностью основы деривата ***народность*** (на-род-н-ост’-Ø), но и его принадлежностью к распавшемуся древнему общеславянскому макрогнезду с корнем *rod-.

4. Характер дискурсивной деятельности Ап. Григорьева согласуется и с такой важной особенностью внутренней формы русского языка, как его стремление представить любую информацию в виде развивающегося события (Мельников, 1998). В нашем случае основной «участник события» – слово-понятие ***народность***, становящееся в зависимости от синтагматического контекста субъектом действия, его объектом или орудием и т. д. Большая разветвленность этой «грамматически мотивированной топики», намечающей пути осмысления исходного понятия, связана еще и с тем, что «имена женского рода ассоциируются со способностью быть и объектом чьей-либо инициативы и инициатором по отношению к иной группе партиципантов и проявлять свою индивидуальность лишь как нечто массовидное» (Там же).

Переходя к оценке реализованных автором речемыслительных стратегий, необходимо сказать несколько слов об относительности влияния, оказываемого языком на языковую личность. Ни в коем случае не стоит считать, что язык всецело подчиняет себе языковую личность, совершенно не оставляя ей свободы выбора. Напротив, формирующее воздействие языка лишь задает возможное направление мысли, предлагает более или менее приемлемые

способы ее оформления и выражения. Притом, что «родной язык оказывает решающее воздействие даже на детали понимания и мышления конкретного человека», «каждый человек располагает известной возможностью для маневра в процессе усвоения и применения его родного языка»; «он вполне способен сохранять своеобразие своей личности в этом отношении» (Вайсгербер, 1993: 135). Поэтому оценка того, в какой степени конкретный текст воспроизводит базовые, сущностные свойства родного языка ритора, должна учитывать степень самостоятельности, самобытности языковой личности в дискурсивном воплощении духа языка, его внутренней формы. Так, проанализированный текст, несомненно, свидетельствует о самобытном, личностном использовании возможностей, предоставляемых русским языком для осмысления языкового знака и создания понятия: оставаясь в пределах типичных для русского языкового сознания речемыслительных стратегий, Ап. Григорьев акцентирует проявление полимотивированности познаваемого языкового знака, создавая понятие о народности в достаточно индивидуальной манере.

Оценивая целесообразность реализованных автором речемыслительных стратегий, следует указать на то, что проанализированный фрагмент статьи Ап. Григорьева несомненно подтверждает способность языка (в частности, русского) быть опорой создающего понятие продуктивного мышления и адекватно воплощать сложный авторский замысел в коммуникативном акте. Во многом именно талантливое использование автором собственно языковых механизмов (синтактических возможностей, связанных с флективно-фузионной организацией русского языка) способствует эффективному достижению поставленной цели – формированию и формулированию понятия о народности. Стоит также отметить, что целесообразность дискурсивной манеры, насыщающей текст элементами, созвучными слову-теме, заключается и в том, что способы воплощения замысла, основанные на создании различных формально-смысловых языковых «аналогизмов» предмета речи, обладают более сильными воздействующими, в т. ч. убеждающими возможностями. Важно и то, что истина (или идея, претендующая на то, чтобы быть таковой), достигнутая в соответствии с логикой языковых форм, при помощи средств родного языка, по-видимому, имеет больше шансов быть незатруднительно и адекватно понятой. Так, по мнению Й.Л. Вайсгербера, «пожалуй, все члены языкового сообщества склонны рассматривать свой образ мышления (т.е. образ мышления, полученный ими в процессе усвоения родного языка; примечание наше – *П.К., С.О.*) как естественный, объективно-истинный» (Там же: 72). Другими словами, можно с большой долей уверенности предполагать, что язык, будучи важной внутренней детерминантой мышления, общей для адресанта и адресата риторического текста, влияет не только на процесс формирования и формулирования мысли, но и на процесс ее восприятия и понимания.

Итак, раскрывая формирующее, стимулирующее влияние языка на дискурсивную деятельность языковой личности, мы по сути дела решаем основную задачу риторической критики – осуществляем, согласно У. Реддингу, «анализ и оценку тех путей, которыми ритор сообщает свои идеи слушателям»

(цит. по (Медведева, 1987: 104), шире – адресатам. При этом заявленный в заглавии нашей статьи аспект риторической критики ни в коем случае не должен претендовать на первое место среди прочих аспектов анализа риторического текста. Наоборот, он должен дополнять результаты анализа этоса, логоса и пафоса речи данными о том, насколько стратегии речемыслительной деятельности, послужившие ментально-языковой основой анализируемого текста, соответствуют своеобразному «языковому риторическому идеалу», складывающемуся из важнейших сущностных свойств родного языка ритора.

Примечания:

1. То есть «осуществляемую через коммуникативные формы» (Катышев, 2005: 9); на наш взгляд, целесообразно широкое понимание «коммуникативности» языковых единиц и языка в целом: не только как их способности обеспечивать живую интеракцию людей, но и вообще как «способности оформлять коммуникативный акт» (Там же: 142).

2. Характерны в связи с этим типично гумбольдтианские суждения Э. Сепира о том, что «суть языка лежит… в классификации, в формальном моделировании, в связывании значений <…> язык, как некая структура, по своей внутренней природе есть форма мысли» (Сепир, 1993: 41).

3. «Описание, анализ, истолкование (интерпретация) и оценка суть составляющие такого вида человеческой деятельности, как риторическая критика. Предполагается, что сначала критик описывает воспринятое им публичное выступление, затем анализирует взаимодействие его структурных элементов. После этого он должен дать свою версию того, почему оратор именно так, а не иначе построил свое публичное выступление. И в завершении всего критик оценивает, является ли избранный оратором способ построения и изложения речи наиболее подходящим для данных ему условий» (Смолененкова, 2005: 7–8).

4. Достаточно вспомнить концепцию «официальной народности», выраженную в формуле «самодержавие, православие и народность» С.С. Уварова, министра народного просвещения при Николае I.

5. О ее новизне пишет Л.Р Авдеева: «У Григорьева было свое, не совпадавшее с определениями Белинского, Чернышевского и Добролюбова, понимание народности литературы и народа как исторически сложившейся общности людей» (Авдеева, 1992: 48).

6. Эта закономерность распространяется на осно́вные анафоны слова-темы (*народ* и *народный*) и на супплетивные элементы (*самобытность, самосущность, национальность, масса, общество, почва* и т. п.), связанные с ним лишь смысловой общностью.

Список литературы:

Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. М., 1992.

Авеличев А.К. Возвращение риторики // Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкенберг Ж.-М., Менге Ф., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика. М.: Прогресс, 1986. С. 5–22.

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Изд-во МГУ, 1993.

Григорьев А.А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001.

Катышев П.А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной

формы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

Катышев П.А. Дисциплинарная схема современной риторики // Араева Л.А., Катышев П.А., Малахова Н.Е., Князькова Т.В., Оленёв С.В., Паули Ю.С., Стрыгина О.В. Риторика / Под ред. П.А. Катышева. Кемерово: Кузбассвузиздат, $2006_{А}$. С. 33-37.

Катышев П.А. Субстантно-семиологическая детерминанта полимотивации деривата // Антропотекст – 1: сб. статей. Кемерово – Томск: Изд-во Том. ун-та, $2006_{Б}$. С. 112-122.

Кондильяк Э.Б. де. Сочинения. Том 1. М.: Мысль, 1980.

Медведева С.Ю. Риторика и риторическая критика в США // Неориторика: Генезис, проблемы, перспективы. М., 1987. С. 91–113.

Мельников Г.П. Внутренняя форма русского языка – ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях // Беседы в обществе любителей российской словесности. ОЛРС, 1998. URL: http://philologos.narod.ru/melnikov/melnikov-vf.htm (дата обращения – 23.06.2010 г.).

Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.

Радченко О.А. Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Том 1. М.: Метатекст, 1997.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: ИГ «Прогресс», «Универс», 1993.

Смолененкова В.В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2005.

Смолененкова В.В. Понятие риторической критики (опубл. в сети Интернет 22.10.2006 г.). URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_49.html (дата обращения – 23.06.2010 г.).